

Индустриализация предопределила ускоренное развитие городского населения. Ее следствием стали увеличивающиеся год от года объемы гражданского строительства. С каждой новой пятилеткой все больше административных, общественных зданий и жилых домов возводилось в каменном исполнении. Эти здания формировали новый облик административных и индустриальных центров Сибири. Однако, по-прежнему, основную часть жилья возводили индивидуальные застройщики.

В годы первых пятилеток продолжалось развитие государственных строительных и монтажных организаций. Постепенно они наращивали материально-техническую базу, увеличивали долю постоянных кадров в общей численности занятых на стройках работников. Указанные тенденции стали необратимыми после организации в 1939 г. народного комиссариата по строительству. Производственная база подрядных управлений и трестов, их техническая оснащенность быстро нарастали. Повысился уровень организации строительного дела. Производительность труда с 1929 по 1940 г. выросла примерно в 2,5 раза. Численность рабочих и служащих, занятых на строительно-монтажных работах достигла в Сибири 120 тыс. чел., из которых 60% трудились в Западной Сибири и 40% — в Восточной Сибири (*Дьяков Ю.Л. Капитальное строительство в СССР. 1941–1945. М., 1988. С. 88*).

Т. В. ЗАХАРОВА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1920-е гг.

Первая мировая война, революция и гражданская война привели к кризису аграрного производства в стране, что выразилось в сокращении посевных площадей и поголовья скота. Страна оказалась в глубоко кризисе, государство почти ничего не производило. Экономический ущерб оценивался в размере более 50 млрд золотых рублей. Крупная промышленность России производила продукции в 7 раз меньше по сравнению с 1913 г., грузооборот железных дорог уменьшился почти в 4 раза, людские потери составили не менее 10 млн чел. (*Шипилова Н.А. Западносибирская кооперация в период НЭПа // Алтайская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Горно-Алтайск, 2004. С. 109*).

Как и вся страна, Горный Алтай понес тяжелые материальные и людские потери, вместе с войнами пришли неурожаи, падеж скота, голод и эпидемии. Особенно сильно пострадало животноводство, традиционно являющееся основой жизнеобеспечения населения. К 1920 г. на долю Горного Алтая приходилось 9,5% скота, имеющегося в губернии. Таким образом, хозяйства региона в среднем потеряли треть поголовья скота, по сравнению с 1917 г. Посевные площади сократились на 11,9%,

часть хозяйств осталась без сельскохозяйственного инвентаря, упала их промысловость (Торушев Э.Г. *Уровень жизни сельского населения Горного Алтая с периода новой экономической политики до 1940 г.* // *Этносоциальные проблемы регионов Сибири. Вып. 15. Горно-Алтайск, 2010. С. 89–90*). Последствия гражданской войны особенно тяжело сказались на положении алтайского населения. По данным земельного отдела уездного ревкома, в 1921 г. только около 30% алтайцев не имели «ничего общего с кочевьем», а по своему жизненному укладу несколько не отличаются от оседлого русского населения (Демидов В.А. *Переход алтайцев на оседлость. Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1968. С. 38–39*).

В отличие от оседлых, кочевые и полукочевые хозяйства вышли из гражданской войны более ослабленными, о чем сообщали с мест партийные работники. Так, в январе 1920 г. представитель Уймонского райревкома докладывал, что советская работа осложнялась здесь «полным разрушением алтайских хозяйств и вытекающей отсюда необходимостью немедленного выяснения и решения вопроса о дальнейшем сосуществовании алтайцев» (Екеева Н.М. *Горный Алтай в 1922–1929 гг.* // *Горный Алтай в конце XIX–начале XX вв. Горно-Алтайск, 1997. С. 21*). В такой ситуации в Бийский уревком срочно сообщалось: «...Алтай в значительной части пострадал от белых банд, разорен, некоторые селения выжжены, а помощь населению почти не оказывалась, сплошь и рядом встречаются семьи буквально голые...» (КПДА РА. Ф.Р-458. Оп. 1. Д. 31. Л. 3). Давая общую характеристику сельского хозяйства, земельный отдел уездного ревкома констатировал, что «существующее состояние скотоводства, конечно, не может обеспечивать существование алтайцев-кочевников», тем более, что «вторая отрасль хозяйства, которая составляла около половины бюджета инородцев — охота, находится еще в худшем положении» (Болдугев А.А. *Первая продналоговая кампания в Горном Алтае // Вопросы истории Горного Алтая. Барнаул, 1978. С. 21–22*).

В этой ситуации революционные комитеты взяли на себя решение проблем, связанных со снабжением и питанием населения. При этом ревкомы и продовольственные органы особое внимание обращали на снабжение алтайского населения, потому что для него проблема хлеба становилась проблемой выживания. Именно в силу этого для Горного Алтая уменьшались и разверсточные задания. В сложной ситуации 8 января 1919 г. Бийский продовольственный комитет направил в распоряжение Улалинского райревкома 449 пудов пшеничной муки, 100 пудов соли, 1 ящик чая. Бийский уездный ревком, в свою очередь, издал приказ об обмолоте хлеба в степных волостях и его отправке в разоренные районы Горного Алтая. Нужда в хлебе удовлетворялась и за счет поволостного перераспределения продуктов (Болдугев А.А. *Горный Алтай в период военного коммунизма // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск, 1979. С. 89*). Принятые меры были своевременными, но недостаточными.

По данным 1920 г. в Горном Алтае наблюдалось падение сельскохозяйственного производства, экономический упадок сопровождался уничтожением и разорением целых селений. Население большинства волостей голодало. Например, в Успенской волости в начале 1920 г. голодало три четверти населения, две трети населения Чемальской волости не имели хлеба. Особенно тяжелой была ситуация в национальном Кош-Агаче. Побывавший там летом 1920 г. член Горно-Алтайского оргбюро РКП(б) А. Иванов сообщал, что «население всего района ограблено, сидит без хлеба, соли, одежды, постройки сожжены» (*Гончарова О.А. Горный Алтай: История народной медицины и здравоохранения. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2008. С. 77*). Постоянное недоедание вело к ухудшению здоровья населения, появлению многих заболеваний.

Всю специфику и круг решаемых проблем как нельзя лучше отражает отчет за 1920 г. Горно-Алтайского районного ревкома в Бийский уездный ревком, из которого следует, что Горный Алтай в силу ряда обстоятельств оказался предоставлен самому себе. Горно-Алтайский ревком был неудовлетворен отсутствием помощи из Бийска.

Вследствие такого невнимательного и безразличного отношения Бийского ревкома к Горному Алтаю, последний остался без денег, хлеба, семян, чая, спичек, мануфактуры, соли, сахара. Если регион из перечисленных продуктов и товаров что-либо и получал, то их хватало на половину запланированного для потребления срока. А между тем руководству на местах было известно, что Бийск получал и имел достаточное количество финансов, продуктов питания, чая, сахара. Дело, по мнению В.А. Демидова, «осложнялось тем, что председатель Горно-Алтайского ревкома В.И. Плетнев нередко игнорировал распоряжения не только Бийского ревкома, но и приказы, исходившие от имени губернских органов власти» (*Демидов В.А. К социализму, минуя капитализм. Очерк социалистического строительства в Горно-Алтайской автономной области. Новосибирск: Наука, 1970. С. 68*). Несмотря на трения между Бийском и Горным Алтаем такая ситуация вызывала недовольство населения, причем это недовольство переходило в недоверие к политике советской власти. Население отказывалось выполнять разверсточные задания, оказывало сопротивление продорганам, резало скот, откочевывало за границу.

Следствием проводимой политики стало то, что к 1921 г. крестьянские хозяйства практически не имели запасов продовольствия, до минимума сократилось поголовье скота. Чтобы хоть как-то стабилизировать ситуацию 9 февраля 1921 г. уездный ревком создал чрезвычайную комиссию, которая должна была организовать питание «30000 голодающего инородческого населения», переведя его на больничный паек. Предполагалось проводить регулярную раздачу продовольствия с привлечением в мобилиционном порядке русского населения, а также прибегать к помощи населения при выпечке и доставке хлеба. Одновременно с раздачей про-

довольствия намечалась культурно-просветительская работа, способствовавшая укреплению Советов в Горном Алтае. Однако общий недостаток хлеба и продуктов питания свел акцию лишь до оказания экстренной продовольственной помощи голодающему алтайскому населению.

10 февраля 1921 г. Горно-Алтайское оргбюро РКП (б) и уездный ревком приняли решение о проведении «Недели помощи инородцу». В этой связи 9 апреля 1921 г. Горно-Алтайский ревком издал распоряжение, в котором предлагал Туектинскому и другим волревкомам «ввиду отсутствия продовольственного хлеба на складе заготпункта в Алтайском отпустить инородцам вашей волости продовольственного хлеба по норме на один месяц из полученных вами запасов путем распределения», причем в инструкции давалось знать, что ревкомам необходимо принять самые экстренные меры по снабжению инородцев продовольствием на будущее (*Болдуев А.А. Горный Алтай в период военного коммунизма. С. 90*).

В марте 1921 г. руководство страны приняло решение о замене продразверстки продналогом, тем самым положив начало новой экономической политике. Несмотря на гарантии государства, в Алтайской губернии сбор продналога проходил в условиях, напоминающих продразверстку. Раскладка налога осуществлялась без участия населения. К началу кампании списки налогоплательщиков не были готовы, в подавляющем большинстве сел сбор налога проводился с использованием вооруженных отрядов. Продналоговая кампания 1921 г. с точки зрения выполнения плана прошла успешно, окончательно подорвав сельское хозяйство.

Острый недостаток в хлебопродуктах, невозможность получения хлеба из производящих районов в обмен на продукты скотоводства и охотничьего промысла заставили население в силу необходимости обратиться к земледелию. Однако успешное проведение сева было невозможно без решения семенной проблемы. Поэтому государство отпустило уезду 62 тыс. пудов семян, что позволяло засеять девятую часть запланированных площадей (*КПДА РА. Ф.Р-12. Оп. 1. Д. 204. Л. 194*). Недостающие семена пришлось изыскивать на месте. С целью обеспечения семенами малоимущих крестьян волостные и сельские ревкомы организовали общественные амбары и внутреннее перераспределение семенного материала между домохозяевами. На это кулаки ответили скрытием семенного хлеба и организацией открытых выступлений против власти. Пытаясь сорвать сыпку семенного хлеба в общественные амбары, кулаки Айской волости, например, хотели подбить женщин на бунт, но вовремя были приняты соответствующие меры.

Последствия хлебозаготовок проявились уже в начале 1922 г., когда голод охватил большинство уездов и волостей губернии, основные показатели сельскохозяйственного производства региона достигли самой низкой отметки. Падение животноводства в 1920–1922 г. обусловило сокращение производства и реализации для Западной Сибири и Алтая

животного масла. Сложившаяся ситуация привела к тому, что в 1923 г. Ойротская автономная область была признана остро нуждающейся, поскольку в ней были фактически голодающие районы.

Между тем изъятый хлеб не всегда успевали вывозить, хранили под открытым небом на ссыпных пунктах, в результате чего часть собранного зерна погибла. Это, в свою очередь, вызывало крайнее недовольство крестьян.

В весеннюю посевную кампанию 1923 г. регионом из государственных фондов было получено и распределено среди населения более 5 тыс. пудов семян зерновых. Центральная комиссия помощи голодающим выделила для населения Горного Алтая 700 пудов хлеба и 239 тыс. р. на покупку семян и другие нужды, кроме того, на месте было закуплено 2 780 пудов хлеба. По разнарядке Центрального комитета помощи голодающим областной отдел народного образования получил 5 пудов какао, 10 пудов сахарного песка, 30 метров мануфактуры (*Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай: 2008. Горно-Алтайск: б.и, 2009. С. 220–221*). В 1924 г. на приобретение сельскохозяйственного инвентаря хозяйства получили 22 тыс. р. В феврале 1925 г. для восстановления сельского хозяйства Горного Алтая правительство страны по просьбе Сибревкома выделило кредит в размере 246 тыс. р. (*Эдоков И.П. Коллективизация в Горном Алтае. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского кн. изд-ва, 1987. С. 19*). На заседании созданной при облисполкоме комиссии по ликвидации последствий голода (Последгол) в срочном порядке также был принят ряд решений: «Признать волости Чибитскую (общества: Кынгырарское, Едринское и Чибит-Курайское), Шибалинскую, Лебедскую, Успенскую, Чемальскую, Чергинскую (частично), Салдамскую и Тузетинскую остро нуждающимися и оказать помощь, размер которой определить по получении денег из Бийскгосбанка и закупке хлеба. Ввиду того, что область центром признана остро нуждающейся и ввиду того, что в настоящее время в области есть фактически голодающие районы, от шефства над Самарской губернией и Башкирской Республикой отказаться» (*КПДА РА. Ф.Р-33. Оп. 6. Д. 8. Л. 5*).

Весной 1927 г. в стране вновь начались продовольственные трудности. Перебои с хлебом, повышение цен вызвали огромные очереди за продуктами питания. Ситуацию осложняло то, что 1928–1929 гг. в основных зернопроизводящих районах страны был неурожайным. Для компенсации потерь руководство страны увеличило план сбора хлеба в более урожайных восточных регионах, в том числе в Сибири. Однако ситуация со сдачей хлеба в регионе была под вопросом. Для стимулирования населения, отмечает В.А. Ильиных, «увеличивался размер самообложения и вводилась система дифференцированных паевых взносов...», не подчиняющихся объявляли врагами советской власти со всеми вытекающими отсюда последствиями (*Ильиных В.А. Урало-си-*

бирский метод хлебозаготовок // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2007. С. 46).

В январе 1928 г. государство начало осуществлять ряд чрезвычайных мер при выполнении плана хлебозаготовок, целью которых было подстегивание хлебозаготовительной кампании. По всей стране начались повальные обыски и реквизиции хлебных «излишков». Тех, кто не желал расставаться с запасом хлеба, объявляли кулаками, имущество, скот конфисковывались. Несмотря на принятые меры, повысить объем хлебозаготовок в 1928 г. так и не удалось.

Дефицит продовольствия привел к тому, что к началу 1929 г. во всех городах СССР была введена карточная система, не стал исключением и Горный Алтай. Введя всесоюзное нормированное распределение продуктов питания, государство на первых порах гарантировало высокие и стабильные нормы снабжения, хотя в действительности нормы продажи продуктов по карточкам постоянно снижались, сокращался их ассортимент. Нехватка жизненно необходимых товаров, по мнению В.З. Дробичева, являлась причиной политической нестабильности (*Социальная политика Советского государства / под ред. В.З. Дробичева. М.: Наука, 1985. С. 100*).

Таким образом, в 1920-е гг. продовольственный вопрос в Горном Алтае так и не был решен. Государство как могло, гарантировало снабжение населения региона, на первых порах оказывая разовую помощь голодающим. В эти годы государственная политика в области продовольственного снабжения населения не была целенаправленной, носила характер антикризисных мер и формировалась в сложной политической обстановке. Особенно тяжело от голода пострадало коренное население Горного Алтая — алтайцы, для которого проблема хлеба стала проблемой выживания.

В.А. ИЛЬИНЫХ

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СИБИРИ В 1960–1980-е гг.

Интенсификация сельского хозяйства — проведение комплекса организационно-экономических мероприятий с целью достижения устойчивого роста производства сельхозпродукции в условиях стабилизации земельных ресурсов и снижения количества работников, занятых непосредственно в производстве. В СССР курс на интенсификацию отрасли, разрабатываемый на фоне исчерпания ресурсов для ее экстенсивного развития, был окончательно оформлен мартовским (1965 г.) пленумом ЦК КПСС. В качестве ее главных направлений рассматривались: 1) механизация и электрификация основных производственных процессов,